

© КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ, 2020

Захарова Н.В.¹, Бонкало Т.И.², Бравве Л.В.¹, Калаков А.М.¹, Сюняков Т.С.^{1,3}, Ковальчук Д.Ф.⁴

Смысловая регуляция тревожных ожиданий в период пандемии COVID-19: конспирологические тенденции

¹ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница № 1 им. Н.А. Алексеева» Департамента здравоохранения города Москвы, 117152, Москва, Россия;

²ГБУ «Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы», 115088, Москва, Россия;

³ФГБУ НУ «Научно-исследовательский институт фармакологии им. В.В. Закусова», 125315, Москва, Россия;

⁴ООО «Газпром», 350040, Краснодар, Россия

Введение. Пандемия COVID-19 сопряжена с нарастанием тревоги и распространением разнообразных конспирологических суждений. Высказана гипотеза о том, что повышенный уровень тревоги выступает субстратом конспирологии по механизму смысловой регуляции негативных ожиданий.

Цель исследования: изучение особенностей конспирологических тенденций в период пандемии COVID-19 в Москве.

Методы. Обследовано 320 человек, выбранных сплошным случайным образом из общей популяции жителей Москвы, опрошены на предмет согласия или несогласия с 8 утверждениями, касающимися конспирологической трактовки событий, в сопоставлении с уровнем тревоги/депрессии (с применением шкалы HADS).

Результаты. Выделены три тенденции (COVID-конспирология, COVID-скептицизм, COVID-обскурантизм). Согласиться с той или иной конспирологической идеей оказались готовы 45,7% опрошенных. Обнаружено, что уровень тревоги у всех приверженцев конспирологии выше, чем в остальной части выборки. Выявлены различия в социодемографических характеристиках приверженцев разных конспирологических тенденций. Среди COVID-скептиков достоверно меньше учащихся и пенсионеров, а среди COVID-конспирологов ниже уровень полученного образования при нестабильном трудовом и семейном статусе, а COVID-обскурантизм свойственен в большей степени женщинам с высшим образованием.

Обсуждение. Конспирологические тенденции являются универсальными для всех социальных групп на фоне повышенной тревожности населения Москвы в связи с пандемией COVID-19. Предполагается, что механизмом развития конспирологических тенденций может быть процесс рационализации повышенного уровня тревожности как защитной реакции во время кризиса.

Заключение. Полученные результаты могут быть полезны при разработке психопрофилактических мероприятий в периоды глобальных кризисов.

Ключевые слова: COVID-19; конспирология; тенденция; пандемия; тревожность; депрессия

Для цитирования: Захарова Н.В., Бонкало Т.И., Бравве Л.В., Калаков А.М., Сюняков Т.С., Ковальчук Д.Ф. Смысловая регуляция тревожных ожиданий в период пандемии COVID-19: конспирологические тенденции. *Здравоохранение Российской Федерации*. 2020; 64(6): 329-335. <https://doi.org/10.46563/0044-197X-2020-64-6-329-335>

Для корреспонденции: Захарова Наталья Вячеславовна, канд. мед. наук, врач-психиатр, и.о. руководителя лаб. фундаментальных методов исследования НКИЦ нейropsychиатрии «ГБУЗ ПКБ 1 ДЗМ», 117152, Москва. E-mail: nataliza80@gmail.com

Участие авторов: Захарова Н.В. — разработка дизайна исследования, обработка полученных результатов, написание текста; Бонкало Т.И. — разработка дизайна исследования, написание текста; Бравве Л.В. — статистическая обработка исследования, написание текста; Калаков А.М. — обследование респондентов, сбор материала; Сюняков Т.С. — статистическая обработка полученных результатов; Ковальчук Д.Ф. — редактирование текста статьи. Все авторы — обсуждение и утверждение текста статьи.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила 27.10.2020

Принята в печать 10.11.2020

Опубликована 29.12.2020

Natalia V. Zakharova¹, Tatyana I. Bonkalo², Lidia V. Bravve¹, Anvar M. Kalakov¹, Timur S. Syunyakov^{1,3}, Dmitry F. Kovalchuk⁴

Semantic regulation of anxiety expectations during the COVID-19 pandemic: conspiracy trends

¹N.A. Alekseev Clinic No 1, Moscow, 117152, Russia;

²Research Institute of Health Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department, Moscow, 115088, Russia;

³Zakusov Research Institute of Pharmacology, Moscow, 125315, Russia;

⁴Gazprom LLC, Krasnodar, 350040, Russia

Introduction. The COVID-19 pandemic is associated with the spread of conspiracy theories, which are heterogeneous in terms of the structure of their views. The hypothesis is that the substrate for the spread of

conspiracy trend is an increased level of anxiety, reduced due to the paralogical (conspiracy) interpretation of events.

The **purpose** of this research was to study the prevalence of conspiracy trends during the preparation for the COVID-19 pandemic in Moscow (before the introduction of strict restrictive measures).

Methods: 320 people, randomly selected from the general population, were asked if they agree or disagree with 9 statements regarding the conspiracy interpretation of events, compared with the level of anxiety/depression (using the HADS scale). There are 3 trends (COVID-conspiracy, COVID-skepticism, COVID-obscurantism).

Results: 45.7% of respondents were ready to agree with one or the other conspiracy idea. I

The level of anxiety in all adherents of conspiracy theory was found to be higher than in the rest of the sample. Differences in sociodemographic characteristics of adherents of different conspiracy tendencies are revealed. Among COVID skeptics, there are significantly fewer students and pensioners, and among COVID conspiracy theorists, the level of education received is lower, with unstable labor and family status.

Discussion. Conspiracy trends were universal for all social groups in the background of increased anxiety among the population of Moscow in preparation for the COVID-19 pandemic. It is suggested that the mechanism for the development of conspiracy tendencies may be the process of rationalization of an increased level of anxiety as a protective response during a crisis.

Keywords: COVID-19; conspiracy theory; trend; pandemic; anxiety; depression

For citation: Zakharova N.V., Bonkalo T.I., Bravve L.V., Kalakov A.M., Syunyakov T.S., Kovalchuk D.F. Semantic regulation of anxious expectations during the COVID-19 pandemic: conspiracy trends. *Zdravookhranenie Rossiiskoi Federatsii (Health Care of the Russian Federation)*. 2020; 64 (6): 329-335. (In Russ.). <https://doi.org/10.46563/0044-197X-2020-64-6-329-335>

For correspondence: Natalia V. Zakharova, MD, Ph.D., Senior researcher of the N.A. Alekseev Clinic No 1, Moscow, 117152, Russia. E-mail: nataliza80@gmail.com

Information about the authors:

Zakharova N.V., <https://orcid.org/0000-0001-7507-327X>

Bonkalo T.I., <https://orcid.org/0000-0003-0887-4995>

Bravve L.V., <https://orcid.org/0000-0001-5380-4406>

Kalakov A.M., <https://orcid.org/0000-0002-9012-4140>

Syunyakov T.S., <https://orcid.org/0000-0002-4334-1601>

Kovalchuk D.F., <https://orcid.org/0000-0003-4685-5138>

Contribution: Zakharova N.V. — development of research design, processing of the results obtained, writing a text; Bonkalo T.I. — research design development, text writing; Bravve L.V. — statistical processing of research, text writing; Kalakov A.M. — survey of respondents, collection of material; Syunyakov T.S. — statistical processing of the results obtained. Kovalchuk D.F. — editing the text of the article. All authors — discussion and approval of the text of the article.

Acknowledgments. The study had no sponsorship.

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Received: October 27, 2020

Accepted: November 10, 2020

Published: December 29, 2020

Введение

Наблюдая за потоками информации в пандемии COVID-19 в Москве, мы предположили, что склонность соглашаться с конспирологической (КС) трактовкой событий не всегда происходит по механизмам бредообразования, а имеет иной механизм. Актуальность проверки такой гипотезы обусловлена тем, что, объясняя склонность к КС-трактовке событий, медицинские специалисты подвержены риску ошибочной диагностики психотических расстройств и, как следствие, стигматизации людей, не поддерживающих официальные версии событий.

Термин «конспирологические тенденции»¹ предложен намеренно, поскольку в проводимом исследовании не идет речи о всеобъемлющей диагностике идей заговора. Подчеркнем, что изученные нами тенденции не имеют всех признаков теорий заговора: гипотетической модели намеренных планов заговорщиков, объединенных в коалиции с явным элементом угрозы под знаком секретности [1, 2]. Положение КС-идей в психиатрических классификациях на современном этапе не определено. Традиционно их изучение строится в социально-полити-

ческой парадигме гуманитарных наук и психологии [3], а в психиатрии такие феномены принято относить к болезненным расстройствам психической деятельности, в частности, при личностных аномалиях со склонностью к паранойяльному мышлению и шизотипии [4]. По мнению многих авторов, конспирология как «субъективизм, подозрительность и недоверие к природе намерений и поведения других людей» [5–7] широко распространена в популяции [8–11]. При этом после прохождения кризисных ситуаций КС-идеи могут участвовать в формировании воспоминаний [12]. Из опыта изучения реакций населения на эпидемии в XXI в. (вспышки инфекционных заболеваний, вызванных вирусами Зика и Эбола) известно, что в такие периоды поток информации в социальных сетях и средствах массовой информации (СМИ) изобилует противоречивыми новостями и намеренным распространением дезинформации (так называемых фейков), часто формирующих идеи заговора [13, 14]. Приверженность к конспирологии может оказывать негативное влияние в виде снижения просоциального поведения [15] или отказа от рациональных медицинских рекомендаций [16].

Цель исследования: изучение распространенности КС-тенденций для возможного предсказания психосоциальных последствий пандемии на ранних стадиях кризисных ситуаций.

¹Конспирологические идеи — это социально-психологический феномен, представляющий альтернативу аналитической версии текущих событий, которая всегда противоречит официальным версиям.

Материал и методы

Проведено кросс-секционное, неинтервенционное, наблюдательное исследование. Рекрутинг участников исследования проходил в период с 15 марта по 10 апреля 2020 г., до введения строгих ограничительных карантинных мер и юридических санкций в отношении распространителей фейковых новостей при относительно благополучной эпидемической ситуации, согласно официальным данным.

Набор респондентов проходил сплошным методом при получении информированного добровольного согласия. Критериями исключения служили отказ от сотрудничества, наличие тяжелого соматического заболевания, признаки психических расстройств. Пациенты в психиатрической сети не включены в это исследование. Выборку составили 320 человек из числа жителей Москвы, обследованных волонтерами на дому.

Обследование проведено с помощью полуструктурированного интервью, включающего три модуля — социодемографические данные, госпитальную шкалу тревоги и депрессии (HADS) [17], а также 8 вопросов, касающихся КС-тенденций, сгруппированных на основании анализа потоков информации в СМИ и социальных сетях и фиксации основных КС-тенденций, распространенных в тот период. Не сосредотачиваясь на каком-либо конкретном сюжете, мы предложили респондентам ответить на вопросы о доверии к информации, поступающей из информационных источников новостей и рекомендациям официальных органов власти, высказать свое мнение о роли спецслужб и лабораторий (с уточняющим вопросом — является ли вирус SARS-CoV-2 формой биологического оружия или занесен веземной цивилизацией). Учитывая восприимчивость населения к потоку информации, мы допускали то, что склонность соглашаться с той или иной КС-идеей может объясняться стремлением повторять информацию из источников, которым доверяют, без глубокой убежденности.

Процедура экспертизы включала личный разговор с респондентами с получением письменного информированного согласия при соблюдении этических норм и права на защиту персональных данных во всех случаях.

Непрерывные переменные при малом объеме выборки в подгруппах анализировались на нормальность распределения методом Колмогорова–Смирнова. При отсутствии нормального распределения анализ различий непрерывных переменных между подгруппами проводился с помощью непараметрического метода Краскела–Уоллиса с последующим, при выявлении различий, попарным сравнением подгрупп методом Манна–Уитни. Различия непрерывных переменных в подгруппах при большом объеме подгрупп анализировались с помощью однофакторного дисперсионного анализа ANOVA. Сравнение частотных характеристик категориальных переменных осуществлено путем составления таблиц сопряженности и последующим анализом с помощью критерия χ^2 Пирсона с коррекцией на непрерывность.

Результаты

Результаты исследования позволили выделить три подгруппы:

- COVID-скептицизм — так мы обозначили комплекс ответов, свидетельствующих о том, что респонденты со-

мневаются в факте существования нового вируса, отрицают серьезность пандемии и не готовятся к карантину;

- COVID-конспирология — речь идет об утвердительных ответах на вопрос о лабораторном (рукотворном) происхождении вируса и его использовании в качестве биологического оружия при участии спецслужб (неважно, какой страны);
- COVID-обскурантизм² отличает респондентов, отрицательно ответивших на вопросы о доверии информации, публикуемой официальными властями, а также высказавших уверенность в сокрытии истинного положения дел при недоверии к серьезности ситуации пандемии.

Из числа респондентов исключены наблюдения с утвердительными ответами на вопрос о возможности веземного происхождения вируса (лишенные ресурса времени, мы приняли это решение без углубленного анализа, учитывая, что такие ответы даны либо в состоянии параноидального бреда, либо в силу легкомысленного отношения к исследованию, что исключало валидность ответов на другие вопросы).

Таким образом, на первом этапе исключены 9 (2,8%) наблюдений. Когорта наблюдения составила 311 участников (мужчины — 102, женщины — 209; возрастной размах 18–88 лет; $M \pm m = 34 \pm 10,5$ года). Результаты обследования представлены в **табл. 1**.

Социально-демографическая характеристика когорты участников представлена в **табл. 2**.

В общей выборке 142 (45,7%) из 311 человек оказались привержены одной из КС-версий объяснения происходящих событий, ответив соответствующим образом (например, утвердительно на вопрос «Является ли вирус формой биологического оружия» или отрицательно на вопрос «Ситуация с пандемией COVID-19 очень серьезная»). При сопоставлении социодемографических и психометрических характеристик двух групп — приверженцев КС- и аналитической (официальной) версии событий не выявлено статистически значимых отличий по среднему возрасту, уровню образования, трудовому статусу (**табл. 3**). Любопытной находкой оказался тот факт, что среди населения, склонного к КС-интерпретации событий, статистически значимо ($p < 0,00001$) больше женщин ($n = 104$), чем мужчин ($n = 64$).

Кроме того, важным результатом представляется статистически значимое различие по уровню тревоги. Так, в группе приверженцев конспирологии средний балл по субшкале HADS-тревога оказался значимо выше (6,6 против 5,3; $p = 0,0036$). При этом доля респондентов, у которых тревога достигала субклинического или клинически выраженного уровня, составила 38,7% (55 человек). Субклинический уровень (8–10 баллов) выявлен в 20,4% случаев (29 человек из 142), а клинический уровень тревоги (>11 баллов) — в 18,3% (26 человек из 142). Для сравнения: субклинический уровень тревоги выявлен в 15,4% наблюдений (26 человек из 169), а клинический — в 9,5% (16 человек из 169).

Из всех 142 приверженцев конспирологических теорий 101 человек (71,1%) склоняются к одной из КС-теорий, в

²Конспирологические идеи — это социально-психологический феномен, представляющий альтернативу аналитической версии текущих событий, которая всегда противоречит официальным версиям.

Таблица 1. Преобладание различных типов ответов на вопросы, косвенно относящиеся к КС-тенденциям в исследуемой когорте по возрастным группам, абс. (%)**Table 1.** Prevalence of different types of answers to questions indirectly related to conspiracy theories in the studied cohort by age group, abs (%)

Вопрос Question	Вариант ответа Possible answer	Возраст, годы Age, years			
		18–29 (n = 149)	30–39 (n = 83)	40–59 (n = 64)	60–88 (n = 15)
Ситуация с пандемией COVID-19 серьезная и представляет большую опасность The COVID-19 pandemic situation is serious and dangerous	Да Yes	81 (54,4)	48 (57,8)	31 (48,4)	13 (86,7)
	ЗО FG	45 (30,2)	23 (27,7)	25 (39,1)	2 (13,3)
	Нет No	23 (15,4)	12 (14,5)	8 (12,5)	0 (0)
Необходимо следовать всем рекомендациям официальных источников It is necessary to follow all the recommendations of official sources	Да Yes	116 (77,9)	56 (67,5)	47 (73,4)	14 (93,3)
	ЗО FG	30 (20,1)	0 (0)	15 (23,4)	1 (6,7)
	Нет No	3 (2)	27 (32,5)	2 (3,1)	0 (0)
Официальные власти скрывают от людей полную картину происходящего Official authorities hide from people the full picture of what is happening	Да Yes	49 (32,9)	28 (33,7)	25 (39,1)	2 (13,3)
	ЗО FG	64 (43)	36 (43,4)	31 (48,4)	8 (53,3)
	Нет No	36 (24,2)	19 (22,9)	8 (12,5)	5 (33,3)
Вирус COVID-19 — это форма биологического оружия The COVID-19 virus is a form of biological weapon	Да Yes	11 (7,4)	14 (16,9)	12 (18,8)	4 (26,7)
	ЗО FG	53 (35,6)	35 (42,2)	32 (50)	7 (46,7)
	Нет No	85 (57,1)	34 (41)	20 (31,3)	4 (26,7)
Вспышка эпидемии произошла по вине спецслужб (неважно, какой страны) и/или является подготовкой к войне The outbreak of the epidemic occurred through the fault of the special services (no matter which country) and/or is a preparation for war	Да Yes	12 (8,1)	8 (9,6)	7 (10,9)	0 (0)
	ЗО FG	43 (28,9)	37 (44,7)	32 (50)	10 (66,7)
	Нет No	94 (63,1)	38 (45,8)	25 (39,1)	5 (33,3)
Я готов пережить карантин (закупил нужные продукты и средства гигиены, продумал занятия на период изоляции) I am ready to survive the quarantine (I bought the necessary products and hygiene products, thought over classes for the period of isolation)	Да Yes	97 (65,1)	47 (56,6)	30 (46,9)	11 (73,3)
	ЗО FG	13 (8,7)	13 (15,7)	13 (20,3)	1 (6,7)
	Нет No	39 (26,2)	23 (27,7)	21 (32,8)	3 (20)
Я верю, что медицинскими службами будут предприняты все необходимые мероприятия для помощи I believe that medical services will take all the necessary measures to help	Да Yes	120 (80,5)	62 (74,7)	47 (73,4)	13 (86,7)
	ЗО FG	16 (10,7)	11 (13,3)	12 (18,8)	1 (6,7)
	Нет No	13 (8,7)	110 (12,1)	5 (7,8)	1 (6,7)
Я чувствую, что мне потребуется психологическая поддержка или помощь психотерапевта в связи с ситуацией повышенной готовности к карантину или в период карантина I feel that I need psychological support or the help of a psychotherapist in connection with a situation of high readiness for quarantine or during the quarantine period	Да Yes	18 (12,1)	9 (10,8)	2 (3,1)	0 (0)
	ЗО FG	20 (13,4)	8 (9,6)	5 (7,8)	2 (13,3)
	Нет No	111 (74,5)	66 (79,5)	57 (89,1)	13 (86,7)

Примечание. ЗО — затрудняюсь ответить. Статистически значимые различия не обнаружены более чем для одной возрастной группы.

Note. FD — find it difficult to answer. Statistically significant differences were not found for more than one age group.

то время как 37 (26,1%) человек склонны считать две из предложенных вариантов заговоров возможными, 4 человека (2,8%) придерживались трех возможных тенденций. Группы оказались неоднородными по социодемографическим характеристикам (табл. 4).

Так, среди COVID-скептиков достоверно статистически значимо меньше учащихся и пенсионеров, а среди COVID-конспирологов — меньше работающих ($\chi^2 = 14,638$; $p = 0,023$). Кроме того, среди COVID-конспирологов достоверно ниже продолжительность

лет, потраченных на получение образования ($\chi^2 = 9,346$; $p = 0,053$), больше вдов и меньше людей, состоящих в браке ($\chi^2 = 29,986$; $p > 0,0001$).

По психометрическим характеристикам уровень тревоги и депрессии не отличался между группами, в том числе при попарном сравнении указанных показателей между группами.

Таблица 2. Социально-демографические характеристики обследованной выборки, абс. (%)

Table 2. Socio-demographic characteristics of the surveyed sample, abs (%)

Характеристики Specifications	Варианты Variants	Количество наблюдений Number of observations
Пол Gender	Мужчины Men	102 (32,8)
	Женщины Women	209 (67,2)
Семейное положение Family status	В браке Married	123 (39,6)
	В разводе Divorced	39 (12,5)
	Не были в браке Were not married	141 (45,3)
	Вдовы Widows	8 (2,6)
Уровень образования Education	Среднее Secondary	61 (19,6)
	Среднее специальное Secondary special	61 (19,6)
	Высшее Higher	189 (60,8)
Трудовой статус Labor status	Учащиеся Students	57 (18,3)
	Работающие Working	193 (62,1)
	Безработные Unemployed	45 (14,5)
	Пенсионеры Retirees	16 (5,1)

Обсуждение

Глобальный кризис, связанный с пандемией COVID-19, оказал значительное влияние на жителей, являясь мощным стрессовым фактором. Согласно одному из первых исследований, проведенных во время вспышки COVID-19 в Китае, около 53,8% участников обнаружили признаки тревожных расстройств от умеренной до тяжелой степени [18]. Это такие эмоциональные состояния, как страх, беспокорство или гнев [18, 19].

Ранее в условиях эксперимента установлено ускорение и облегчение условий для формирования КС-идей в связи с повышением тревоги за счет фокусирования внимания на стимулах, связанных с угрозой [20]. Полученные нами результаты, касающиеся выделенных КС-тенденций среди населения, подтвердили полученные ранее данные об отсутствии различий в социодемографических показателях и возрастных группах, т.е. об универсальности распространения теорий заговора среди населения [7] с некоторыми социальными особенностями (низкий уровень образования, женский пол и неустроенная семейная жизнь). По мнению некоторых авторов, идеи заговора могут иметь защитную ценность в социальном плане, благодаря развитому психологическому механизму выявления угроз (явных или потенциальных) [21]. Полученные нами результаты подтверждают и тезис о том, что «анализ, расчленяющий сложное целое на единицы... показывает, что существует динамическая смысловая система, представляющая собой единство аффективных и интеллектуальных процессов» [22].

Полученные нами результаты указывают на распространенность среди людей, которые придерживаются КС-тенденций, субклинической тревоги, уровень которой оказался достоверно выше по сравнению с уровнем тревоги среди людей, приверженных аналитической или официальной версии трактовки событий. Таким образом, указанные результаты, хотя и косвенно, но подтверждают гипотезу о том, что формирование идей заговора во время кризиса может происходить не по механизмам паранойи. По нашему мнению, КС-тенденции могут формироваться как защитная реакция в виде смысловой регуляции

Таблица 3. Сравнительный анализ групп населения, приверженных КС- и аналитической версиям интерпретации событий

Table 3. Comparative analysis of population groups adhering to conspiracy and analytical versions of the interpretation of events

Показатель Indicator	КС-версия событий Conspiracy version of events (n = 142)	Аналитическая версия событий Analytical version of events (n = 169)	Значение статистики Statistics value	p
Средний возраст, лет (SD) Average age, years	34,2 (13,51)	33,8 (13,99)	F = 0,085, df = 1	0,771
Распределение по полу Sex distribution				
Мужчины, абс. (%) Men, abs. (%)	38 (26,8)	105 (62,1)	$\chi^2 = 38,8643$	< 0,0001
Женщины, абс. (%) Women, abs (%)	104 (73,3)	64 (37,9)		
HADS				
Тревога, средняя сумма баллов (SD) Anxiety	6,6 (3,87)	5,3 (3,80)	F = 8,605, df = 1	0,004
Депрессия, средняя сумма баллов (SD) Depression	5 (3,76)	4,8 (3,70)	F = 0,228, df = 1	0,633

Таблица 4. Социодемографические характеристики подгрупп, приверженцев конспирологических тенденций
Table 4. Sociodemographic characteristics of subgroups, adherents of conspiracy tendencies

Показатель Index	n	Подгруппа		
		COVID- обскурантизм	COVID- конспирология	COVID- скептицизм
Женщины Women	73	48 (73,85%)	12 (85,71%)	13 (59,09%)
Мужчины Men	28	17 (26,15%)	2 (14,29%)	9 (40,91%)
Возраст, годы ($M \pm m$) Age, years ($M \pm m$)		33,662 \pm 14,278	43,214 \pm 24,071	33,364 \pm 1,529
Вдова/вдовец Widow/widower	5	1 (1,54%)	4 (28,57%)	0 (0,00%)
Никогда не был в браке Never been married	45	34 (52,31%)	7 (50,00%)	4 (18,18%)
В браке Married	36	22 (33,85%)	2 (14,29%)	12 (54,55%)
В разводе Divorced	15	8 (12,31%)	1 (7,14%)	6 (27,27%)
Высшее образование Higher education	64	44 (67,69%)	4 (28,57%)	16 (72,73%)
Среднее образование Secondary education	19	10 (15,38%)	6 (42,86%)	3 (13,64%)
Среднее специальное образование Specialized secondary education	18	11 (16,92%)	4 (28,57%)	3 (13,64%)
Продолжительность образования, годы ($M \pm m$) Duration of education, years ($M \pm m$)		15,062 \pm 1,784	13,571 \pm 2,344	15,182 \pm 1,736
Безработный предпенсионного возраста Unemployed preretirement age	12	6 (9,23%)	1 (7,14%)	5 (22,73%)
Пенсионер Retiree	8	5 (7,69%)	3 (21,43%)	0 (0,00%)
Работает Working	64	41 (63,08%)	6 (42,86%)	17 (77,27%)
Учащийся Student	17	13 (20,00%)	4 (28,57%)	0 (0,00%)
НАДС, суммарный балл по подшкале тревоги ($M \pm m$) Total score on the alarm subscale ($M \pm m$)		6,462 \pm 3,845	6,643 \pm 4,144	5,591 \pm 3,473
НАДС, суммарный балл по подшкале депрессии ($M \pm m$) Total score on the depression subscale ($M \pm m$)		4,462 \pm 3,746	5,000 \pm 3,187	4,591 \pm 4,020
Всего Total	101	65	14	22

тревожных ожиданий, не связанных с систематизированными идеями преследования или ущерба. Вероятно, КС-тенденции могут выступать как попытка рационализации тревоги и формироваться у людей, которые не склонны к паранойальному мышлению или бреду.

В ходе проведенного наблюдательного исследования выявлена относительно широкая распространенность среди населения склонности соглашаться с КС-трактовкой событий пандемии COVID-19. Мы выделили три основные КС-тенденции, сопряженные с различными социальными факторами и уровнем тревоги. Остается нерешенным вопрос о механизмах возникновения КС-тенденций — в качестве способа рационализации тревоги у относительно здоровых людей или как способа декомпенсации личностных черт.

Исследование ограничено несколькими методологическими аспектами — мы не диагностировали природу тревоги и депрессии, если они обнаружены, и не диагностировали личностные черты, чтобы четко понять механизм формирования склонности к конспирологии (для более

четкой дифференциации тревоги и паранойи). Потребуется дополнительные исследования для выяснения механизмов возникновения КС-тенденций в периоды кризисов, особенно связанных с инфекционными заболеваниями, по аналогии с возможностью диагностики маскированных депрессий в общей медицинской сети [22]. Кроме того, набор КС-идей ограничен несколькими информационными потоками, распространенными именно в тот период в СМИ и социальных сетях, тогда как на момент написания статьи информационная повестка значительно изменилась с распространением иных фабул КС-тенденций.

Заключение

В целом, ценность полученных результатов заключается в уникальности методологии исследования, актуализирующей объективную профессиональную оценку такого сложного явления, как конспирология.

Полученные результаты могут быть полезны не только психиатрам, заинтересованным в уточнении положения такого феномена, как приверженность КС-тенденциям

среди других психических расстройств, но и работникам структур, определяющих новостную повестку и методы оповещения населения. Последние могут опираться на полученные в настоящем исследовании результаты для оптимизации психогигиенических мероприятий с целью снижения уровня тревоги, распространения панических и КС-тенденций. В результате исследования получены новые данные относительно широкой распространенности КС-тенденций в кризисной ситуации, что должно учитываться и при разработке психопрофилактических мероприятий.

ЛИТЕРАТУРА

- Goreis A., Voracek M. A systematic review and meta-analysis of psychological research on conspiracy beliefs: field characteristics, measurement instruments, and associations with personality traits. *Front. Psychol.* 2019; 10: 205. <https://doi.org/10.1002/per.1930>
- Darwin H., Neave N., Holmes J. Belief in conspiracy theories. The role of paranormal belief, paranoid ideation and schizotypy. *Pers. Individ. Dif.* 2011; 50(8): 1289–93.
- van Prooijen J.W., van Lange P.A.M. *Power, Politics, and Paranoia: Why People are Suspicious of their Leaders*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139565417>
- Darwin H., Neave N., Holmes J. Belief in conspiracy theories. The role of paranormal belief, paranoid ideation and schizotypy. *Pers. Individ. Dif.* 2011; 50(8): 1289–93. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.02.027>
- van Prooijen J.W., van Lange P.A.M. The social dimension of belief in conspiracy theories. In: *Power, Politics, and Paranoia: Why People are Suspicious of their Leaders*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014: 237–53. <https://doi.org/10.1017/cbo9781139565417.017>
- Imhoff R., Lamberty P. How paranoid are conspiracy believers? Toward a more fine-grained understanding of the connect and disconnect between paranoia and belief in conspiracy theories. *Eur. J. Soc. Psychol.* 2018; 48(7): 909–26.
- van Prooijen J.W., Douglas K.M. Belief in conspiracy theories: Basic principles of an emerging research domain. *Eur. J. Soc. Psychol.* 2018; 48(7): 897–908. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2530>
- van Prooijen J.W. Conspiracy theories as part of history: The role of societal crisis situations. *Mem. Stud.* 2017; 10(3): 323.
- Wood M.J. Propagating and debunking conspiracy theories on twitter during the 2015-2016 zika virus outbreak. *Cyberpsychol. Behav. Soc. Netw.* 2018; 21(8): 485–90. <https://doi.org/10.1089/cyber.2017.0669>
- Lewandowsky S., Stritzke W.G.K., Freund A.M., Oberauer K., Krueger J.I. Misinformation, disinformation, and violent conflict: from Iraq and the “War on Terror” to future threats to peace. *Am. Psychol.* 2013; 68(7): 487–501. <https://doi.org/10.1037/a0034515>
- Lewandowsky S., Gignac G.E., Oberauer K. The role of conspiracist ideation and worldviews in predicting rejection of science. *PLoS One.* 2013; 8(10): e75637. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0075637>
- Sharma M., Yadav K., Yadav N., Ferdinand K.C. Zika virus pandemic-analysis of Facebook as a social media health information platform. *Am. J. Infect. Control.* 2017; 45(3): 301–2. <https://doi.org/10.1016/j.ajic.2016.08.022>
- March E., Springer J. Belief in conspiracy theories: The predictive role of schizotypy, Machiavellianism, and primary psychopathy. *PLoS One.* 2019; 14(12): e0225964. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0225964>
- Jolley D., Douglas K.M. The effects of anti-vaccine conspiracy theories on vaccination intentions. *PLoS One.* 2014; 9(2): e89177. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0089177>
- Imhoff R., Bruder M. Speaking (un-)truth to power: conspiracy mentality as a generalised political attitude. *Eur. J. Pers.* 2014; 28(1): 25–43. <https://doi.org/10.1002/per.1930>
- van Prooijen J.W., van Dijk E. When consequence size predicts belief in conspiracy theories: The moderating role of perspective taking. *J. Exp. Soc. Psychol.* 2014; 55: 63–73. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2014.06.006>
- Wang C., Pan R., Wan X., Tan Y., Xu L., Ho C.S., et al. Immediate Psychological Responses and Associated Factors during the Initial Stage of the 2019 Coronavirus Disease (COVID-19) Epidemic among the General Population in China. *Int. J. Environ. Res. Public Health.* 2020; 17(5): 1729. <https://doi.org/10.3390/ijerph17051729>
- Azim D., Kumar S., Nasim S., Arif T.B., Nanjiani D. COVID-19 as a psychological contagion: A new Pandora’s box to close? *Infect. Control Hosp. Epidemiol.* 2020; 41(8): 989–90. <https://doi.org/10.1017/ice.2020.127>
- Grzesiak-Feldman M. The effect of high-anxiety situations on conspiracy thinking. *Curr. Psychol.* 2013; 32(1): 100–8.
- van Prooijen J.W., van Vugt M. Conspiracy theories: evolved functions and psychological mechanisms. *Perspect. Psychol. Sci.* 2018; 13(6): 770–88. <https://doi.org/10.1177/1745691618774270>
- Выготский Л.С. *Психология развития человека*. М.: Смысл-Эксмо; 2005.
- Костюк Г.П., Масыкин А.В., Бурягина Л.А., Реверчук И.В. Проблема диагностики и лечения депрессии врачами первичного звена. *Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова*. 2019; 119(1S): 55–61. <https://doi.org/10.1007/s11055-019-00867-0>

REFERENCES

- Goreis A, Voracek M. A Systematic Review and Meta-Analysis of Psychological Research on Conspiracy Beliefs: Field Characteristics, Measurement Instruments, and Associations With Personality Traits. *Front Psychol.* 2019;10:205. <https://doi.org/10.1002/per.1930>
- Darwin H, Neave N, Holmes J. Belief in conspiracy theories. The role of paranormal belief, paranoid ideation and schizotypy. *Pers Individ Dif.* 2011; 50(8):1289-1293.
- van Prooijen J-W, van Lange PAM. Power, Politics, and Paranoia: Why People Are Suspicious of Their Leaders
- Darwin H., Neave N., Holmes J. Belief in conspiracy theories. The role of paranormal belief, paranoid ideation and schizotypy. *Pers. Individ. Dif.* 50, 1289–1293 (2011).
- van Prooijen J-W, van Lange PAM, van Prooijen J-W. The social dimension of belief in conspiracy theories. Power, Politics, and Paranoia.:237-253. <https://doi.org/10.1017/cbo9781139565417.017>
- Imhoff R, Lamberty P. How paranoid are conspiracy believers? Toward a more fine-grained understanding of the connect and disconnect between paranoia and belief in conspiracy theories. *Eur J Soc Psychol.* 2018;48(7):909-926.
- van Prooijen J-W, Douglas KM. Belief in conspiracy theories: Basic principles of an emerging research domain. *Eur J Soc Psychol.* 2018;48(7):897-908.
- Jan-Willem van Prooijen KMD. Conspiracy theories as part of history: The role of societal crisis situations. *Memory Studies.* 2017;10(3):323.
- Wood MJ. Propagating and Debunking Conspiracy Theories on Twitter During the 2015-2016 Zika Virus Outbreak. *Cyberpsychol Behav Soc Netw.* 2018;21(8):485-490.
- Lewandowsky S, Stritzke W GK, Freund AM, Oberauer K, Krueger JI. Misinformation, disinformation, and violent conflict: from Iraq and the “War on Terror” to future threats to peace. *Am Psychol.* 2013;68(7):487-501.
- Lewandowsky S, Gignac GE, Oberauer K. The role of conspiracist ideation and worldviews in predicting rejection of science. *PLoS One.* 2013;8(10):e75637.
- Sharma M, Yadav K, Yadav N, Ferdinand KC. Zika virus pandemic-analysis of Facebook as a social media health information platform. *Am J Infect Control.* 2017;45(3):301-302.
- March E, Springer J. Belief in conspiracy theories: The predictive role of schizotypy, Machiavellianism, and primary psychopathy. *PLoS One.* 2019;14(12):e0225964.
- Jolley D, Douglas KM. The effects of anti-vaccine conspiracy theories on vaccination intentions. *PLoS One.* 2014;9(2):e89177.
- Imhoff R, Bruder M. Speaking (Un-)Truth to Power: Conspiracy Mentality as a Generalised Political Attitude. *European Journal of Personality.* 2014;28(1):25-43. <https://doi.org/10.1002/per.1930>
- van Prooijen J-W, van Dijk E. When consequence size predicts belief in conspiracy theories: The moderating role of perspective taking. *Journal of Experimental Social Psychology.* 2014;55:63-73. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2014.06.006>
- Wang C, Pan R, Wan X, et al. Immediate Psychological Responses and Associated Factors during the Initial Stage of the 2019 Coronavirus Disease (COVID-19) Epidemic among the General Population in China. *Int J Environ Res Public Health.* 2020;17(5): 1729. <https://doi.org/10.3390/ijerph17051729>
- Azim D, Kumar S, Nasim S, Arif TB, Nanjiani D. COVID-19 as a psychological contagion: A new Pandora’s box to close? *Infection Control; Hospital Epidemiology.* 2020;1-2. <https://doi.org/10.1017/ice.2020.127>
- Grzesiak-Feldman M. The Effect of High-Anxiety Situations on Conspiracy Thinking. *Curr Psychol.* 2013;32(1):100-118.
- van Prooijen J-W, van Vugt M. Conspiracy Theories: Evolved Functions and Psychological Mechanisms. *Perspect Psychol Sci.* 2018;13(6):770-788.
- Vygotskiy L.S. *Psychology of Human Development [Psikhologiya razvitiya cheloveka]*. Moscow: Smysl-Ekсмо; 2005. (in Russian)
- Kostyuk G.P., Masyakin A.V., Burygina L.A., Reverchuk I.V. The problem of the diagnosis and treatment of depression by primary care physicians. *Zhurnal neurologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova.* 2019; 119(1S): 55–61. <https://doi.org/10.1007/s11055-019-00867-0>